

МЫ ВСЕ — РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Для проекта «Вологда многонациональная» о своем детстве рассказывает Сергей Юрьевич Баранов, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Педагогического института Вологодского государственного университета.

Сергей Юрьевич в 1971 году окончил Ленинградский университет. С 1974 года работает на филологическом факультете пединститута (ранее — ВГПИ, ВГПУ). Заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат Государственной премии области по образованию и лауреат Государственной премии области в сфере культуры.

— Родился я почти 70 лет назад в той части острова Сахалин, которая только-только перешла от Японии к Советскому Союзу. Отец, строитель по специальности, работал там, как тогда говорили, «по вербовке». Там и прошел первый год моей жизни, о котором не помню ничего и знаю только по рассказам матери. Она, например, рассказывала, что со мной любил возиться один старик-японец, что, уезжая с Сахалина на Хоккайдо, он подарил мне живого петуха. Петух, конечно, не сохранился, но о том недолгом сахалинском периоде еще некоторое время напоминали расписные чашки тонкого фарфора и фарфоровая же настольная лампа в виде узловатого

дерева с птичкой. Чашки довольно быстро потрескались и побились от небрежного употребления. Увы! А лампа, хотя и в покалеченном состоянии, жива до сих пор и стоит у мамы в квартире на книжном шкафчике. Может быть запрятанным где-то в глубине подсознания полумладенческим впечатлением, я обязан вспыхнувшему лет в 18 интересу к Японии и ее культуре: гравюры Муранобу и Хокусая, нэцкэ, театр но, средневековая поэзия, проза Акутагавы и Нацумэ Сосэки, фильмы Куросавы и Мидзогути. Только до изучения японского языка дело не дошло. С языками у меня всегда дело не очень ладилось. Жаль. Отец был петербуржец по происхождению, мама — родом из Белоруссии.

Она и привезла меня к себе на родину, когда осталась одна. Она была совсем молодой тогда, и, конечно же, у нее появилась новая семья. А я жил и воспитывался у ее родителей — у моих бабушки с дедушкой. Мы все родом из детства. Впечатления, полученные человеком в первые 10—12 лет, в конечном счете и формируют его представления о том, кто он есть и чем ему в этой жизни стоит действительно дорожить. Они могут быть разными — и светлыми, и не очень, и очень не, — но они часть нас самих. В этом с годами все больше и больше убеждаешься на собственном опыте, на этом основано и творчество таких наших писателей, как Сергей Аксаков, Лев Толстой, Виктор Астафьев, Василий Белов. А пишущий по-русски абхазский писатель Фазиль Искандер,

а шведка Астрид Линдгрэн, а американец Рэй Брэдбери, а англичанин Чарльз Диккенс! Да, наверное, творчество всех без исключения авторов — и не в литературе одной — подпитывается глубинными токами детских воспоминаний, только они не всегда это осознают и не всегда глубинные токи выходят на поверхность, обретая осязательно-наглядную плоть художественных образов.

Так вот, детство в Белоруссии. Оно было не очень щедрым на материальные блага, но все равно прекрасным. Гомельская область, окраина небольшого районного города Мозыря. Он расположен на высоком холмистом берегу реки Припяти. Ленинградцы, которые любили проводить здесь лето, называли его маленькой Швейцарией. Мозырь город древний, впервые упоминается в летописных источниках под 1155 годом, но основан он был намного раньше. Сто с небольшим километров от него на юг — и оказываешься в Коростене, на территории теперешней Украины. Это тот самый Искростень, где древляне казнили киевского князя Игоря, затребовавшего с них непомерную дань, а сами пали жертвами княгини Ольги, жестоко отомстившей за смерть мужа. И Мозырь, и Искростень были древлянскими землями, а потом вошли в состав Киевского княжества. Оба были разгромлены и сожжены в 1240 году монголами. Оба позднее входили в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Оба отошли в самом конце XVIII века к Российской империи. Обо всем этом можно было узнать, посетив мозырский краеведческий музей или на уроках истории Белоруссии. Но, по правде говоря, меня и моих сверстников больше интересовали события не столь давнего прошлого. Я пошел в школу в 1955 году. Великая Отечественная закончилась всего 10 лет назад. Это такой же временной промежуток, который отделяет нас сегодня от 2007 года. Совсем недавно! В Белоруссии

знаков войны было много. На ее территории разворачивались грандиозные фронтовые операции, действовали партизанские отряды, бригады, соединения. Война скалалась на мирном населении, в республике погиб каждый четвертый. Играя на пустырях и в оврагах, мы находили то плоские немецкие штыки, то каски, то россыпи неиспользованных патронов, то бинокль или какой-нибудь никелированный, но изрядно проржавевший револьвер. От взрослых за такие находки могло здорово влететь. И поделом. Бывало, что патроны, высыпаемые в костер, приводили к несчастным случаям. Так что физическая расправа над малолетними сорванцами за баловство с боеприпасами никем не осуждалась. Даже наоборот,

поощрялась. В одной деревенской хате, у дальних родственников я как-то увидел настоящую саблю. От волнения даже похолодел, схватил ее, чтобы лихо помахать направо и налево — как в кино. Но оказалось, что не больно-то и помашешь. Для семи-восьмилетнего мальчишки (а мне тогда было примерно столько) это прославленное оружие кавалеристов оказалось неподъемным, тяжеленным.

И, конечно же, знаки войны несли на себе люди. Помню, как потряс меня, еще в школу не ходившего, слепой матрос с сожженным лицом. Мы ехали куда-то на поезде, а он шел по вагону с баяном, что-то пел надорванным голосом, а пассажиры давали ему деньги. В 50-е годы

еще встречались безногие калеки на тележках, тоже живущие за счет подаяний. Потом они куда-то исчезли. А вообще, почти все взрослые, находившиеся рядом, так или иначе были знакомы с войной не понаслышке.

Моя прабабушка Ганна рассказывала, например, такое. Километрах в десяти от той деревни, где она жила, находилась другая — Костюковичи. 30 июля 1943 года она была уничтожена карателями за связи с партизанами. Часть жителей расстреляли, часть утопили в колодцах. На людей, сброшенных в колодец, кидали убитых коров. Все дома сожгли. Всего там погибло около 150 человек. Каратели обложили деревню, чтобы никто из нее не вышел ранним утром. Один парнишка, ничего не подозревая, собрался спозаранку по грибы, и когда вышел за околицу, обнаружил, что деревня окружена. Он хотел вернуться, чтобы поднять тревогу. Но какой-то немецкий солдат, увидев его, затолкал в кусты, показывая рукой, чтобы он убирался, пока другие не заметили. Были, оказывается, и такие немцы. Мальчик взобрался на дерево и видел, как происходила ликвидация. Когда все было кончено, он добежал до прабушкиной деревни, пробрался в ее хату (она стояла с самого края), и, придя немного в себя, рассказал о том, что произошло. Мальчик несколько дней прятался у прабабушки, потом ушел — вроде бы к партизанам.

Про войну вспоминать вообще-то не очень любили. Но постепенно я узнавал, например, о том, что двоюродный дед, любимый бабушкин брат и обаятельнейший, по воспоминаниям многих, человек, воевал в партизанском отряде и погиб, подорвавшись на mine. Будучи уже подростком, я с друзьями поехал однажды на теплоходе на праздник по случаю встречи ветеранов партизанского движения. Там всех приглашали побывать. Встреча проходила в дубовой роще, километрах в пятнадцати от города. Играла музыка, произносились какие-то речи, с грузовиков торговали всякой снедью и напитками.

Там я неожиданно встретил другого двоюродного деда, мужа бабушкиной сестры. Он был лесником, помогал нам дровами запасаться. На отведенной ему земле мы картошку сажали. Я гостил у него несколько

раз в деревне, сено на сеновал как-то перебрасывали, даже коров однажды довелось с ним пасти (очередь ему подошла и помощь понадобилась — деревенское стадо немаленькое). Странно было увидеть его тут, но оказалось, что он на встречу ветеранов попал не случайно, так как был в партизанах и даже награды имеет. А я об этом

и не подозревал. У него была не очень благозвучная фамилия. Но личностью он был колоритной: рыжеватый, среднего роста, крепко сбитый и очень сильный физически. Глубокие морщины на его лице сложились как-то так, что казалось, будто он все время улыбается. Да он и был человеком добрым, хотя делал иногда что-нибудь не очень приятное с точки зрения жителя городского, но вполне обычное, даже необходимое для жителя деревенского. В той деревне, где он жил, его считали колдуном. Белоруссия, вообще, страна, где древние обычаи и верования невероятно живучи. Московские этнографы и фольклористы до сих пор находят на территории белорусского Полесья много интересного для себя. Колдуном моего двоюродного деда считали, в частности, потому, что однажды он привел из лесу в деревню матерого волка. Без намордника, без поводка. Волк шел рядом с ним, у его ноги, и только порывивал изредка на обезумевших от такой наглости собак, не решающихся, впрочем, набрасываться на своего исконного врага. В такое трудно поверить, но я слышал об этом не один раз и не от одного человека.

В деревнях очень почитались родственные связи. Там и при советской власти широко отмечали Миколу зимнего, Пасху, Троицу. Гуляла вся деревня. Были нескончаемые шумные застолья, были танцы под баян или гармошку далеко за полночь. Ходишь из хаты в хату с давними и с только что приобретенными знакомыми, везде тебя за стол усадят, приветят, угостят. Обязательно кто-нибудь подсядет, с тобой заговорит и расспрашивать начнет: откуда ты, чей? А потом обязательно выяснится, что мы родственники, потому что моя бабушка приходится двоюродной тетке твоего собеседника... и т. д. Походишь от хаты к хате, и возникает впечатление, что у тебя вся деревня — родня.

Иногда говорят: вот там-то и там-то природа очень красивая. Я думаю, что она везде красивая. Только по-своему. По-своему красив лес, по-своему красиво

заснеженное поле, по-своему красивы горы, по-своему красивы овраги. Белоруссия тоже красива — по-своему. Песчаные пригорки, сосны, березовые рощи, дубняки, ольшаники, орешники, реки и речки с берегами, заросшими лозняком, озера с белыми кувшинками, пойменные луга, болота. Аисты, которых в Белоруссии называют буслами, разгуливают по лугам. Потрясающе красивой была Припять — широкая, чистая, с заводями и со стремнинами. Была, потому что с ней за последние годы что-то случилось: помелела, вода зацветает и мутнеет. Может быть, чернобыльское облако виновато, которое над Мозырем прошло и на природу повлияло? Даже грибы не везде собирать можно. Радиация.

А вот болота белорусские — нечто совершенно особенное. Когда мне было лет 13—14, я отдыхал летом в пионерском лагере и там мы ходили в поход с ночевкой. И пришлось идти через гать («гребля» она по-белорусски). Это дорога из бревен, идущая через трясины («дрыгву»). Идешь по этим бревнам, а они качаются под тобой, а вокруг — черная топь с редкими кустиками какой-то травы. Оступишься — и можешь пропасть с концами. Гиблое место. Думаю, что теперь никакие вожатые и воспитатели не решились бы водить вверенных им ребят по таким маршрутам. А родители, про такое узнав, суперскандал устроили бы. Но тогда проще как-то ко всему этому относились. Мы подолгу на реке пропадали, в лесу, по болотам нас вот тоже водили — и ничего. Есть что вспомнить.

Она так и слилась, Белоруссия с детством. Потом была учеба в Ленинграде, о которой тоже можно вспоминать и вспоминать. Потом, после университета, была служба в армии, в Вологде. Сюда я прибыл в 1971 году и стал вологжанином, каковым и являюсь по сей день. Здесь я живу с 1971 года — намного дольше, чем жил в других местах. Теперь это мой город. О нем тоже можно рассказывать и рассказывать. Но это как-нибудь в другой раз. Если придется, конечно.